

КОММЕМОРАЦИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЛОКУСОВ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ГОРОДАХ СИБИРИ

Е. И. Красильникова

Новосибирский государственный технический университет, Россия
katrina97@yandex.ru

Работа подготовлена при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета (проект С–12, 2018 г.)

Статья посвящена характеристике системы памятных мест, существующих в городах Сибири, которые связаны с историей Гражданской войны (1918–1922). Определяется значение памятника как важного системообразующего компонента городской среды, выражающего ценностное отношение общества как к глобальному, так и к локальному историческому прошлому. Подчёркнуто значение памятника как бренда города и региона. Определяются условия функционирования мемориала как места памяти, выражающего множество смыслов и связанного с актуальной исторической памятью местного сообщества. Выявлена тенденция постепенного забвения Гражданской войны в Сибири и превращения мемориалов в исторические места, уже не связанные с живой социальной памятью. Установлены основные характеристики существующей в городах Сибири мемориальной инфраструктуры, связанной с Гражданской войной: слабая связь символического решения памятников со временем и местом событий, которые они увековечивают; отрыв от современной научной рефлексии над темой Гражданской войны в Сибири; фиксация противостояния идейных противников и их принципиальной непримиримости; отсутствие инициатив, нацеленных на увековечивание памяти о многочисленных негероических жертвах войны. От лица сообщества историков Новосибирска высказываются предложения, нацеленные на преобразование мемориальной инфраструктуры Гражданской войны в городах Сибири к памятной дате 100-летия её начала. Предлагается отказаться от мемориальных символов, выражающих примирение противников, поскольку фактически оно не состоялось. Высказывается призыв найти новые мемориальные формы, которые не героизируют сложное прошлое, но выражают гуманистический смысл признания трагедии, которая не должна повторяться. Новый этап мемориализации Гражданской войны в Сибири должен быть связан с признанием многочисленных негероических жертв из числа гражданского населения, которые сегодня забыты. Также отмечается, что актуализация памяти о Гражданской войне может помочь решению задач брендинга городов региона для создания положительных образов Сибири в общественном сознании её жителей.

Ключевые слова: коммеморация, мемориализация, политика памяти, памятник, консенсус, Гражданская война, города Сибири.

**COMMEMORATION OF THE CONFRONTATION:
THE CONSTRUCTION OF MEMORY'S LOCI
ABOUT THE CIVIL WAR IN THE CITIES OF SIBERIA**

Ekaterina Krasilnikova

Novosibirsk State Technical University, Russia
katrina97@yandex.ru

The article is aimed to describe the system of memory places existing in the cities of Siberia and being connected with the history of the Civil War (1918–1922). There is determined the value of monument as an important system-forming component of the urban environment, expressing the value attitude of society, both to the global and local historical past. The importance of monument as a brand of a city and a region is emphasized. The conditions of functioning of the memorial as a memory place, expressing a variety of meanings and associated with the actual historical memory of the local community. The tendency of gradual oblivion of Civil war in Siberia and transformation of memorials in the historical places, which are not connected with live social memory is revealed. The main characteristics of the existing memorial infrastructure in Siberian cities related to the Civil War are established. These ones are a weak connection between the symbolic solution of monuments and the place of events that they perpetuate; separation from the modern scientific reflection on the Civil War in Siberia; fixation of the confrontation of ideological opponents and their principled intransigence; the lack of initiatives aimed at perpetuating the memory of the numerous non-heroic victims of the war. A series of proposals aimed at the transformation of the memorial infrastructure of the Civil War in the cities of Siberia in the context of the memorable date of the 100th anniversary of its inception there is made on behalf of the Novosibirsk community of historians. It is proposed to abandon the memorial symbols that express the reconciliation of opponents, because in fact it did not take place. There is a call to find new memorial forms that do not glorify the complex past, but express the humanistic sense of recognition of the tragedy, which should not be repeated. A new phase of memorialization of the Civil war in Siberia must be associated with the recognition of numerous unheroic victims among the civilian population, which are now forgotten. It is also noted that the actualization of the memory of the Civil war can help to solve the problems of branding of the cities of the region to create positive images of Siberia in the public consciousness of its inhabitants.

Keywords: commemoration, memorialization, politics of memory, monument, consensus, Civil War, cities of Siberia.

DOI 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75

Мы живём в мемориальную эпоху. Проблемы увековечивания памяти о значимых для общества событиях стоят как никогда остро. Современный мир охвачен «войнами памяти», отражающими острую конкуренцию между разными версиями исторического прошлого, порождёнными его переоценками, «ревизиями», «перекрестками», «фальсификациями». На наших глазах динамично меняются созданные предшествующими поколениями системы памятных мест, куда включены мемориалы, исторические музеи, заповедники, некрополи и др. Эти процессы заметно преобразуют облик современных городов, что неизбежно сказывается на сознании их обитателей. Пространство города организует жизнь местного сообщества, выражает определённые смыслы, ценности, предписывает человеку образ мысли и поведения. Монумент («памятник», «напоминатель» – в буквальном переводе с латыни) призван символически останавливать время, интенсивно акцентируя внимание на актуальном прошлом, отношение к которому задаёт направленность социальной динамики. Именно поэтому монумент ярко выделяется на фоне городской среды, привлекая всеобщее внимание. Важнейшие из монументов обычно установлены в местах, которые К. Линч (известный специалист по проблемам зрительного восприятия города) условно назвал «узлами», где концентрируются коммуникативные потоки, соединяются пути, одни структуры переходят в другие (перекрёсток, центральная площадь, вокзал и т. п.) [Линч 1982, 52]. Будучи меткой на стыке разных городских пространств, памятник одновременно символически соединяет время города: прошлое и настоящее, а также участвует в формировании относительно статичных культурных образов городов. Кроме того, памятник – это ориентир в городском пространстве, служащий не только напоминанию о прошлом. Образ памятника включается в систему актуальных для современности повседневных маршрутов и ментальных карт, он твёрдо ассоциируется с конкретным местом (район, проспект, площадь, парк и др.) и его сегодняшним функциональным назначением. Разумеется, будучи структурным элементом городской среды, памятник вписан не только в её мемориальную подсистему. Однако трансляция смыслов, связанных с определённой версией коллективной памяти о прошлом, остаётся ведущей функцией памятного места, символически оживляющего прошлое в настоящем.

Разрушение памятников, надгробий, открытие мультимедийных парков-музеев и новых мемориалов – всё это отражает, с одной стороны, динамику культурных традиций, а с другой – тенденции

идеологизации прошлого, или политики памяти, которая выражается как в открытой пропаганде, так и в индоктринации – латентной манипуляции общественным сознанием. В современной науке «политика памяти» понимается как совокупность всех видов действий политиков и чиновников, имеющая формальную легитимацию, целью которой является поддержание, вытеснение или переопределение тех или иных элементов коллективной памяти. Агрессивная идеологизация прошлого и попытки воздействия на сознание методами монументальной пропаганды нередко приводят общество в состояние напряжения, конфронтации, а подчас ведут к выплескам физической агрессии. Недавний казус: установка скульптурного памятника Николаю II и царевичу Алексею у собора св. Александра Невского в Новосибирске и последующий акт вандализма – повреждение статуи цесаревича – ярко это иллюстрирует. Во избежание эмоциональных крайностей и экстремизма в битвах за «историческую правду», а также с целью преодоления тенденций утилитарной политизации истории, в процессы мемориализации, протекающие в больших городах, должны включаться эксперты – профессиональные историки, философы, краеведы, культурологи и политологи, способные давать глубокую, научно обоснованную оценку минувшим событиям, уводя общественную дискуссию на темы памяти от острого переживания прошлого к его рациональному осмыслению.

Стараниями разных субъектов память о неоднозначно переживаемых и сложных для понимания исторических этапах неизбежно воплощается в многообразных и противоречивых «твёрдых» монументальных формах, создающих определённые смысловые акценты в городской среде. Хотя в современных сибирских городах появляется немало новых памятников, до сих пор основу мемориальной среды городов (системы памятных мест) составляют памятные места, связанные с Гражданской войной, столетие которой приходится на 2018 год. Подчас они заметнее и ярче монументов, связанных с памятью о Великой Отечественной войне, мемориализации которой государство сегодня придаёт первостепенное значение. Советские монументы, посвящённые Гражданской войне, отличаются масштабность и официальность. Они расположены в исторических центрах, в наиболее людных местах, хорошо известны и привычны жителям сибирских городов. Их символика неотделима от визуальных образов городов Сибири, существующих в общественном сознании (к примеру, образ военно-революционного памятника в форме руки, сжимающей горящий факел, устойчиво ассоциируется с Новосибирском). Между тем, политические идеи, выраженные в этих па-

мятников, активно оспариваются на протяжении нескольких последних десятилетий. Сегодня их частично разделяют лишь коммунисты. Военно-революционные мемориалы более не выражают актуальных смыслов государственной идеологии. Для большинства горожан старые памятники идейно обесценились, уже давно воспринимаемая лишь как ориентиры на местности и, в лучшем случае, как эстетические объекты или символы эпохи, выражающие обобщённый, даже аморфный смысл формального уважения к давно минувшему прошлому. Однако коллективная память разных сообществ о Гражданской войне, начавшейся 100 лет назад, до сих пор противоречива и эмоциональна. Вопрос о целесообразности возведения памятников, посвящённых историческим деятелям времён Гражданской войны, вызывает не менее острые дискуссии, чем споры вокруг строительства и восстановления старых, некогда снесённых храмов. Такая полемика всегда связана с переживанием утраты сакральности отдельными локусами городского пространства либо с обратным процессом, вызывающим неприятие людей, далёких от религиозности [Сазонова 2018, 115]. Памятник герою или событию также обычно выражает сакральный или почти сакральный смысл. В общественном сознании мемориализация устойчиво ассоциируется с сакрализацией. Показательно, что в Омске неустанно ведутся горячие общественные дискуссии о том, нужен ли этому сибирскому городу памятник А. В. Колчаку, героизирующий память об адмирале. Проект памятника уже подготовлен, но его установке препятствует ряд инициатив. Сегодня актуален поиск новых, адекватных существующим в современности разным версиям памяти о Гражданской войне в Сибири, форм её мемориализации, которые бы выражали всю неоднозначность этого сложного сегмента исторического прошлого и вариативности памятования о нём.

В мае 2018 г. в Новосибирске под эгидой исторического парка «Россия – моя история» был организован круглый стол, в ходе работы которого обсуждались проблемы современного этапа мемориализации Гражданской войны в Сибири (илл. 1). В дискуссии участвовали А. О. Пронин – директор исторического парка, кандидат исторических наук; Е. И. Красильникова – профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, доктор исторических наук; Д. Руей-Уиллоби – профессор русского языка и фольклора, заведующая кафедрой современных и классических языков, литературы и культур Университета Кентукки; Д. Г. Симонов – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории Сибирского отделения

Российской академии наук; Ю. А. Фабрика – научный сотрудник музея истории Сибирского военного округа, профессор Международной Славянской академии наук, искусств, образования и культуры, старшина Сибирского казачьего войска; М. Н. Шукин – член Союза писателей Российской Федерации, главный редактор журнала «Сибирские огни», краевед; протоиерей Игорь Затолокин – руководитель церковно-исторического проекта Новосибирской митрополии «Сохраним наследие»¹. Участниками дискуссии были предложены идеи, нацеленные на новые мемориальные инициативы, связанные со столетием начала Гражданской войны в Сибири. Опираясь на материалы этого круглого стола, отражающие мнение новосибирских историков, занятых как академической наукой, так и преподаванием и популяризацией истории, относительно памятников событиям Гражданской войны, автор данной публикации предлагает собственную рефлексию над обозначенной проблемой.

Илл. 1. Круглый стол «Начало Гражданской войны в Новониколаевске и России» на площадке исторического парка «Россия – моя история» (Новосибирск, 18 мая 2018 г.)
 Источник: <http://www.orthedu.ru/eparh/19181-kruglyy-stol-nachalo-grazhdanskoy-voyny-v-novonikolaevske-i-rossii-proshel-na-territorii-istoricheskogo-parka-rossiya-moya-istoriya.html>

¹ См.: Круглый стол «Начало гражданской войны в Новониколаевске и России» прошёл на территории исторического парка «Россия – моя история» // Образование и православие. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/eparh/19181-kruglyy-stol-nachalo-grazhdanskoy-voyny-v-novonikolaevske-i-rossii-proshel-na-territorii-istoricheskogo-parka-rossiya-moya-istoriya.html>.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать существующую мемориальную инфраструктуру, связанную с Гражданской войной, в городах Сибири и обобщённо высказать предложения сообщества сибирских историков, касающиеся возможностей её преобразования в связи со столетием начала Гражданской войны в нашем регионе.

Ранее нами был изучен процесс постепенного формирования системы памятных мест в городах Западной Сибири, связанных с Гражданской войной [Красильникова 2015; Красильникова 2017]. В частности, было установлено, что основа этой системы сложилась уже в начале 1920-х гг. и внешне мало изменилась до сих пор. При этом среда каждого из городов, попавших в поле нашего внимания, претерпела за последние 100 лет радикальные изменения. Разумеется, сегодня на фоне современных урбанистических ландшафтов старые памятники выглядят не столь масштабными и впечатляющими, как раньше, однако альтернатив этим памятникам практически нет.

Вообще же появлению и символическому значению советских городских памятников и монументов посвящено немало работ сибирских краеведов и музейщиков². Заметный вклад в изучение мемориальной культуры Сибири советских лет внесли сотрудники Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, давшие, однако, негативную оценку сибирскому монументальному искусству изучаемого периода [Правоторова, Гусаченко 2002]. Новым этапом осмысления места и роли революционных мемориалов в культурной среде западносибирских городов стали работы омских культурологов – В. Г. Рыженко, Д. А. Алисова, В. Ш. Назимовой [Рыженко 2010, 198–213; Рыженко и др. 2004, 184–191]. Советские памятники и монументы рассматриваются этими авторами в контексте градостроительной мысли и тенденций развития духовной культуры на разных исторических этапах. Работы указанных авторов помогают понять динамику смыслов, которые изначально выражали монументы, увековечившие память о Гражданской войне в Сибири, а также обнаружить актуальные сегодня сюжеты, подвергшиеся по разным причинам забвению.

² См.: Наш родной город: исторические места и памятники Томска. Новосибирск, 1982; Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983; Памятники Новосибирска. Новосибирск, 1980; Памятники истории и культуры Омска. Омск, 1992.

* * *

Памятные места – коммеморации (на языке *memory studies*) представляют собой сознательные социальные акты передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации её) путём увековечения определенных лиц и событий, то есть введения образов прошлого в пласт современной культуры [Святославский 2012, 1]. Коммеморация также может быть понята как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о событии и служит выражением солидарности группы [Sherman 1999, 7]. Историческая память общества выражается в коммеморациях, которые могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Однако и в индивидуальной коммеморации отражён социальный контекст.

Формы коммемораций разнообразны: от надгробия до юбилейных торжеств, от фотографии до реабилитации жертв политических репрессий. Широко известный французский ученый П. Нора, автор концепции «мест памяти», ещё в 1990-х гг. высказал мнение, что применительно к современности можно говорить о «срастании» понятий коммеморации и места памяти. «Места памяти» П. Нора не являются местами в географическом или туристическом смысле. Скорее, это – материальные места, превратившиеся в культурные символы. Личность, событие, текст, здание, гимн, любой другой объект, окружённый «символической аурой» и «способный удерживать в обществе представление о самом себе и своей истории», может быть назван «местом памяти». Места памяти неизбежно отражают напластования смыслов, который им придают разные поколения и социальные группы. Смыслы могут быть противоречивыми и взаимоисключающими. Это связано с тем, что различные сообщества используют места памяти для конструирования собственной идентичности и самоопределения. Традиционные для российских городов памятные места, некогда выражавшие строго определённый смысл, к настоящему моменту превращаются в места памяти, выражающие целые веера смыслов. Системы памятных мест российских городов хранят смыслы, заложенные в разные исторические эпохи разными коммемораторами. Со временем эти смыслы меняются под воздействием контекстов политики памяти, меняются и сами системы памятных мест: одни бесследно исчезают, другие реконструируются и вновь создаются.

Отличительная черта городских памятных мест – их публичность, то есть общедоступность, общественность, нахождение вне пределов

приватного пространства. Памятное место репрезентирует прошлое в публичном пространстве, как правило, делая «мёртвое», «незримое» прошлое «великим», «славным», «героическим», «живым» и актуальным. Для местного сообщества, в отличие от туристов и прочих чужаков, городские памятные места, как части коммеморативной инфраструктуры (в терминологии А. М. Эткинда, выражения «твёрдой памяти» [Эткинд 2016, 224–229]), включаются в строй городской идентичности, служат необходимым условием для работы коллективной памяти («памятования»). Другими условиями выступают функционирование городского топонимического глоссария, а также идей – исторических образов, известных из местного фольклора и литературы (проявления «мягкой памяти» – идеология, мифы, смыслы, выраженные в нарративах) [Дахин 2006, 167–169]. Сохраняя связь с живой, вариативной социальной памятью, памятное место становится местом памяти, символом, который используется в процессе самоидентификации обитателей локуса.

Коллективная память придаёт прошлому ценностное и дидактическое значение. Памятные места включаются в экскурсионные маршруты и путеводители по городам, их образы используются в краеведческой литературе, в учебных пособиях по местной истории, в музейных репрезентациях, в документальном кино. Становясь таким образом частью дискурса публичной истории, памятник репрезентирует «уроки истории», смысл которых обычно неоднозначен с позиции учёного. Сама по себе публичная история на практике нередко сводится к упрощённым репрезентациям прошлого и отставанию субъективной дефиниции, далеко не всегда отвечающей научной исторической реконструкции, конкурирует с профессиональной историографией [Ходнев 2015, 219]. Д. Тош считает, что публичная история обычно не поднимается до больших общенациональных проблем, преимущественно обращая внимание на сюжеты локальной истории, на основе которых конструируется локальная идентичность [Tosh 2014, 191]. Однако отдельные события, происходившие на локальном уровне, могут обретать глобальный смысл. Таковы события Гражданской войны в Сибири, во многом непонятные и к настоящему времени уже плохо известные сибирякам – нашим современникам, однако в силу своего огромного значения достойные нового этапа мемориализации.

* * *

Столетие начала Гражданской войны в Сибири, «круглая» дата, актуализирует извечный вопрос об уроках истории и адекватных

формах увековечивания памяти о значимом и сложном прошлом, во многом определяющем нашу сегодняшнюю идентичность. Сибирь, по выражению современников тех драматичных и кровопролитных событий, стала в 1918–1919 гг. одним из основных «нервов Гражданской войны». Современная историография показывает, что *события, происходившие в нашем регионе* – мятеж чехословацкого корпуса и падение власти первых совдепов, установление режима А. В. Колчака и его быстрый сход с политической арены – имели колоссальное значение не только для Сибири, они *определяли общий ход Гражданской войны и дальнейшую судьбу России*. В частности, решение о выступлении чехословацкого корпуса было принято в Челябинске, но наиболее значительными и результативными стали действия белочехов в Новониколаевске. За свержением советской власти в этом городе последовало формирование новых (контрреволюционных) управленческих и военных структур, чехословаки наладили связь с русскими белогвардейцами, что послужило отправной точкой в разгоравшейся Гражданской войны.

Илл. 2. Памятник борцам революции в Омске. 1923. Скульптор Н. Н. Виноградов. Фигура женщины олицетворяет революционную Россию, фигура мужчины – расстрелянную Парижскую коммуну. Источник: <http://comstol.info/forum/index.php?topic=1680.135>

Однако глубина современной научной рефлексии над военными событиями столетней давности слабо связана с существующей в сибирских городах мемориальной инфраструктурой, доставшейся нам в наследство преимущественно от советского времени. Основные мемориалы создавались в начале 1920-х гг., в основном как надгробия на братских могилах героев и жертв Гражданской войны. Но символика этих мемориалов предельно абстрактна (рука, сжимающая факел, столп и т. п.), она не связана ни с конкретным местом, ни с конкретным событием. Аналогичные монументы могли бы находиться и в других советских городах, увековечивая память об иных событиях. Пластические формы этих памятников имеют отвлечённый характер, они восходят к символике классицизма и романтизма, к культурным эпохам, хронологически соответствующим Великой французской революции и трагедии Парижской коммуны (илл. 2). Некоторые из советских монументов дополнялись новыми элементами в более поздние 50-е – 60-е гг. XX в. Так, в Новосибирске появилась аллея бюстов героических жертв «колчаковщины», проясняющая местные события, возвращающая городу имена местных героев – революционеров, деятелей большевистского подполья, партизан. Монумент усложнился как в художественном, так и в смысловом отношении. Сегодня он отражает срезы политики памяти в отношении Гражданской войны, которыми отмечены разные десятилетия советского периода: начало 1920-х гг. – этап утверждения советской власти и вторая половина 1950-х гг. – период утверждения СССР, «рождённого революцией», в качестве мировой державы. После распада СССР монумент никак не дополнялся новыми элементами, однако его облик меняло само время. Изначально памятник на братской могиле располагался в пределах открытого со всех сторон для обзора пространства – на Базарной площади, окруженной низкоэтажной застройкой. Он был включён в ритм повседневной жизни «Сибирского Чикаго», настойчиво напоминая о революционной борьбе людям, занятым сегодняшними, повседневными делами. Однако спустя 100 лет после Гражданской войны мемориальный комплекс расположен не на базарной площади, а в тенистом сквере, огороженном металлической оградой с тяжеловесными воротами на замке и плотной, высокой застройкой. Вопреки замыслам его авторов, он превратился во вполне традиционный, камерный некрополь – историческое место, изолированное от пространства повседневных забот горожан, уже почти не связанное с живой социальной памятью, о котором жители города более не пересказывают слухов, легенд и воспоминаний. Даже местные жители обычно посещают этот сквер как туристы, видящие мемориальный объект впервые (илл. 3).

Илл. 3. Памятник «жертвам колчаковщины» на братской могиле в Новосибирске (Мемориальный сквер павших в годы Гражданской войны). 1922.
Художник В. Н. Сибиряков, инженер А. И. Кудрявцев.
Источник: <http://www.openarium.ru>

Илл. 4. Ветхий памятник 1920-х гг. в Нагорном парке в Барнауле.
Надпись на мемориальной табличке сообщает: «Здесь в июне 1918 г. белогвардейцы расстреляли большую группу борцов за советскую власть. Вечная память погибшим героям!». Фото автора

Углублению и конкретизации памяти о событиях Гражданской войны, связанных с конкретным местом, некогда помогали и советские мемориальные доски, многие из которых существуют до сих пор, но теперь они теряются в потоках визуальной информации, циркулирующей в больших мегаполисах. Также практически незаметными стали обелиски, установленные сразу после Гражданской войны в местах гибели её жертв (илл. 4). Их постепенное «растворение» в среде советских городов началось ещё в 1920-х гг. Некоторые из них, преимущественно находившиеся на старых кладбищах, к настоящему моменту не сохранились, другие совершенно затерялись в парковых зарослях или на фоне плотной городской застройки. Становление памятника незаметным всегда отражает снижение интереса со стороны общества к фрагменту коллективной памяти, который он призван увековечивать, её обесценивание, прогресс естественного забвения.

Память о Гражданской войне в Сибири, отражённая в монументах, до сих пор биполярна. Советские мемориалы, которых, разумеется, гораздо больше, и сегодня включаются в политизированные коммеморации: коммунистические и государственные, приуроченные к дню Победы. Белогвардейских мемориалов, равновесных советским, не существует. Однако, к примеру, в Красноярске на старинном Троицком кладбище сохранились отдельные надгробия на могилах белочехов, погибших в Енисейской губернии (илл. 5). Создаются и новые памятники белогвардейцам и их союзникам, как правило, в пределах некрополей.

Илл. 5. Уцелевшее надгробие на могиле чехословацкого легионера (1919 г.), а также современный памятник белочехам в том же квартале, Красноярск, Троицкое кладбище.
Фото автора

Уместно вспомнить и пример Казачьего парка в Омске, созданного в 2005 г. по инициативе потомков белых эмигрантов на месте разрушенного мемориального Казачьего кладбища (илл. 6). Этот мемориал символически противостоит советским и порицает варварское отношение большевиков к ценностям православной веры и семейной памяти.

Илл. 6. Панорама Казачьего парка в Омске

Источник: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/omskie-kladbishagotovyat-k-roditelskomu/31629554/>

Известно, что в других регионах России установка официальных памятников белым вызвала в последние годы яростные протесты. Так, против установки монумента, посвящённого памяти чехословацких легионеров в Самаре, был организован пикет. На поверхности памятника появилась обличающая надпись: «Они убивали русских». Яблоком раздора в войне памяти очевидно выступает и фигура «чёрного адмирала» А. В. Колчака. Как уже отмечалось, омская общественность несколько лет к ряду отвергает инициативу, нацеленную на установление памятника «Верховному». Протестующие, прежде всего коммунисты, напоминают омичам о «колчаковских зверствах». Между тем, в Омском государственном историко-краеведческом музее, так же, как и в Центре изучения истории Гражданской войны, выставляются восковые фигуры и портреты Колчака, которому явно симпатизирует директор краеведческого музея, доктор исторических наук П. П. Вибе. Инициаторы установки памятника на Иртыше прагматично оценивают его символический потенциал: Колчак назвал провинциальный Омск «столицей белой России»,

этот положительный образ города, повышающий его статус, пускай только в прошлом, воспринимается горожанами как привлекательный. Именно поэтому фактически Колчак очень популярен в депрессивном городе, который остро нуждается в позитивном брендинге. Из сложившейся ситуации извлекают выгоду местные предприниматели, использующие фигуру Колчака в коммерческих целях. В центре города, недалеко от главного военно-революционного монумента работает ресторан «Колчакъ». Здание, в котором он располагается, стилизовано под архитектурные вкусы начала XX в., фасад украшен фонтаном и статуей, изображающей адмирала. При том, что это заведение пользуется в городе популярностью, «неофициальный памятник» подвергается неустанной критике, как за сомнительную художественную ценность (пользователи сети Интернет насмешливо прозвали скульптуру с фонтаном «писающим Колчаком»), так и за увековечивание памяти о тиране, который до сих пор не реабилитирован (илл. 7).

Илл. 7. Ресторан «Колчакъ» в Омске.

Источники: <http://ucrazy.ru/interesting/1449778258-belye-stranicy-istorii-sibiri-chast-21-belyy-terror.htm>; <https://zarev-grad.livejournal.com/295382.html>

Попытка выразить идею примирения сторон отражена в памятнике Колчаку, установленном в Иркутске на месте расстрела «чёрного адмирала» у реки Ангары (илл. 8). Фигура Колчака, облачённого в военную форму, выполнена в полный рост. Колчак, идущий на смерть, задумчив и печален, что выражено в опущенном положении его непокрытой головы. Достоинство, искренность и открытость «Верховного» подчёркнуты шагом вперёд и распахнутой на груди шинелью. Однако традиционное художественное решение памятника – изображение героя в военной форме и в полный рост – скорее героизирует Колчака как фигуру памяти, нежели выражает неоднозначность его кровавого режима, потерпевшего крах. На постаменте памятника изображены непримиримые враги – красноармеец

и белогвардеец, опустившие оружие. Так выражается символическое примирение сторон, которое реально не состоялось. Именно поэтому со стороны общественности в адрес памятника звучит ожидаемо много критики.

Илл. 8. Памятник Колчаку в Иркутске. 2004. Скульптор В. М. Клыков.
Источник: <http://artyushenkooleg.ru/wp-oleg/archives/13379>

Идея примиряющего памятника, на наш взгляд, в случае с мемориализацией Гражданской войны неудачна. Гораздо большую актуальность имеет признание бесчисленных жертв Гражданской войны, память о которых по сей день никак не увековечена. К примеру, в Новосибирске, потерявшем в результате боёв, эпидемии тифа и эмиграции половину населения, нет ни одного памятного знака, который бы напоминал об этой трагедии. Между тем ни до, ни после этого Сибирь не знала подобных гуманитарных катастроф, но наши современники – жители города практически ничего не знают о масштабах жертв Гражданской войны, которые понесла их малая Родина.

Подводя итоги, выскажем мнение историков Новосибирска, согласно которому сибирские города нуждаются в памятных символах нового типа. Памятники, выражающие идеи героизации и примирения враждующих сторон, не годятся для современного этапа осмысления уроков Гражданской войны в Сибири. Этап формирования политического культа Гражданской войны был пройден в советское время и исчерпал себя. Реабилитация и героизация белого движения, обусловленная политикой памяти 1990-х гг., не содержит в себе иного потенциала, кроме продолжения войны на поле брани коллективной памяти. В настоящее время актуально сделать акцент на признании трагедии войны, в которой невозможно установить объективно чью-то правоту или вину. Для этого необходим творческий поиск новых символов, оценочно-нейтральных, но ассоциативно связанных с сибирской драмой братоубийственной Гражданской войны. Таким символом могла бы стать, к примеру, прорубь. Именно в прорубь было брошено тело казнёного Колчака для того, чтобы не началось «паломничество» сторонников и почитателей к его могиле как к объединяющему белогвардейцев символу. Однако и колчаковцы нередко топили своих в жертв в таких же прорубях. Именно поэтому прорубь может быть прочитана как ёмкий символ, выражающий значения крайней жестокости, проявлявшейся обеими враждовавшими сторонами, а также насильственной политики забвения. Прорубь также ассоциируется со временем и местом событий: с великими сибирскими реками, с суровыми морозами, характерными для сибирской зимы, на фоне которых разворачивалась кровопролитная историческая драма.

Ещё одной задачей современного этапа мемориализации Гражданской войны в Сибири может стать поиск неотмеченных мест погребения массовых, негероических её жертв, фактически существующих в каждом сибирском городе. Лишь немногие краеведы сегодня знают, где похоронены десятки тысяч умерших от тифа, ставшего следствием отступления армии Колчака через сибирские города. Такие места должны быть отмечены мемориальными знаками, с тем чтобы служить напоминанием о той страшной цене, которую платит общество, идущее по пути экстремизма в разрешении политического конфликта. При этом стоит учитывать, что погибшие были людьми разных взглядов и религиозных убеждений. Поэтому к выбору соответствующих символов следует подходить максимально деликатно, учитывая это разнообразие.

А. М. Эткиндр сравнивает памятники с кристаллами, «которые образуются в растворе памяти». Условием «кристаллизации», по его

словам, является социальный консенсус, высокий уровень которого способствует быстрому росту кристаллов-памятников. Этапу «кристаллизации» предшествуют тексты и общественные дискуссии, отражающие «брожение памяти» [Эткинд 2016, 226–227]. Новый этап мемориализации Гражданской войны в Сибири может наступить лишь в результате достижения общественного согласия по поводу главных нравственных уроков войны. В заключение подчеркнём, что, на наш взгляд, во-первых, новый этап мемориализации Гражданской войны в сибирских городах должен выражать гуманистический смысл: напоминать о трагедии, которая случилась в Сибири в 1918–1920 гг., но нигде и никогда больше не должна повториться. Новые памятные места должны служить прививкой от братоубийства, разрухи и террора против гражданского населения. Во-вторых, для сибиряков 100-летие начала Гражданской войны – это возможность символически повысить значимость региональной истории и самой Сибири в общественном сознании посредством популяризации соответствующих выводов историков, что актуально в перспективе роста самосознания жителей Сибири и их активности в инициативах, нацеленных на разностороннее развитие нашего региона.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Дахин 2006 – *Дахин А. В.* Город как место памятования // Гуманитарная география. Альманах. № 4. Москва, 2006. С. 164–172.
- Красильникова 2015 – *Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск, 2015.
- Красильникова 2017 – *Красильникова Е. И.* Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 55–59.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Правоторова, Гусаченко 2002 – *Правоторова А. А., Гусаченко В. Л.* Город и наследие. Новосибирск, 2002.
- Рыженко 2010 – *Рыженко В. Г.* Образы и смыслы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск, 2010.
- Рыженко и др. 2004 – *Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А.* Пространство советского города (20–50-е гг.): теоретические представ-

- ления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004.
- Сазонова 2018 – Сазонова Н. И. Пространство религиозного культа и сакральная топка города: восточно-христианская традиция // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 93–119.
- Святославский 2012 – Святославский А. С. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора культурологии. Москва, 2012.
- Ходнев 2015 – Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 218–221.
- Эткинд 2016 – Эткинд А. М. Кривое горе: Память о непогребённых. Москва, 2016.
- Sherman 1999 – Sherman D. The construction of Memory in Interwar France. Chicago, 1999.
- Tosh 2014 – Tosh J. Public History, Civic Engagement and the Historical Profession in Britain // History. The Journal of Historical Association. 2014. Vol. 99. Is. 335. P. 191–212.

Материал поступил в редакцию 27.06.2018